

УДК 821.161.1.0

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

© 2013 Н.А. Молчанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2013г.

Аннотация: В рецензии содержится положительная оценка книги талантливого журналиста и писателя Дмитрия Быкова «Советская литература. Краткий курс», вышедшей в 2013 г. и включившей в себя лекции, прочитанные автором в МГИМО и московской гимназии «Золотое сечение».

Ключевые слова: советская литература, проза, поэзия, лекция.

Abstract: The review positively evaluates the book by a talented journalist and writer Dmitry Bykov «Soviet Literature. Short Course» issued in the year 2013. The book contains lectures delivered by the author in Moscow State University of Foreign Affairs and Moscow gymnasium «Zolotoe sechenie».

Key words: soviet literature, prose, poetry, lecture.

Многие знают Дмитрия Быкова как талантливого опального журналиста, поэта-ироника, автора ЖЗЛовских биографий Б. Пастернака, Б. Окуджавы и др. Менее известна другая «ипостась» этого харизматичного человека: лектора, преподавателя, работающего со студентами МГИМО и старшеклассниками московской школы «Золотое сечение». Именно в общении с учениками, подсажившими «вздорные, но занятные мысли», родился у Дм. Быкова замысел издать отдельной книгой курс лекций по русской литературе XX века. В последние десятилетия термин «советская литература» как-то исчез из обихода, стыдливо сменившись в педагогической практике на «русскую литературу советского периода». Правда, эта «затонувшая Антантида» подчас напоминает о себе в научных работах, но чаще всего со знаком «минус» как нечто ущербно заидеологизированное. Дм. Быков сознательно назвал свою книгу лекций «Советская литература»¹, для него это неотъемлемая часть семидесятилетней истории культуры нашей страны – многослойный «продукт энтузиазма, страха, соглашательства, поисков эзоповой речи».

В быковском «кратком курсе» (явная аллюзия к Сталину) многое призвано отпугнуть учителей-словесников. Шокируют сами названия глав-разделов: «Трезвый Есенин», «Дикий Дон», «Федин беден», «Флаги без башни» и т. п., порой ошеломляет стиль авторского изложения. Однако под эпатажной «оберткой» скрываются не только своеобразные портреты «великих и ничтожных писателей», но и серьезные размышления о литературных явлениях разных периодов советской истории. Концептуальная установка Дм.

Быкова: о литературном процессе лучше судить не по вершинным фигурам, а по «среднеарифметическим» авторам, наиболее явно выражающим «дух времени». Отсюда – его «Телегия», раздел о «деревенской прозе», демонстративно озаглавленный «Русское почвенничество как антикультурный проект», отсюда же повышенный интерес к массовой литературе поздней советской и пост-советской поры.

А открывается книга Дм. Быкова вполне традиционно для учебника по «советской литературе»: очерком о творчестве М. Горького с его пафосом «антропологической революции», то есть идеей пересоздания (преодоления) человека. Непривычна, правда, акцентировка на «концентрации ужасного» в произведениях писателя и ориентация в основном на Горького – «новеллиста по призванию». Есть и прямая «учительская» отсылка к аудитории: «Это писатель не для слабонервных, но тем, кто через него прорвется, он способен дать мощный заряд силы, а пожалуй что и надежды...» Размышления о «новом типе художника» дополняются ностальгическим очерком о «новом типе политика» – «броненосце “Легкомысленном”», первом наркомпросе Анатолии Луначарском, который соединил в себе опыт Серебряного века и редчайший сплав «самоубийственности и жизнеспособности» революционных дней.

Интерпретация Анны Ахматовой, которая еще в большей степени сконцентрировала в себе опыт Серебряного века, как советского поэта выглядит весьма спорной. Правда, по Дм. Быкову, «эстетически Ахматова – явление как раз русское, а не советское», «советская» она скорее с точки зрения главного этического принципа, вытекающего из ее любовной лирики: «человек есть не самоцель, а по-

© Н.А. Молчанова, 2013

вод». Ахматовское «Могу» из «Реквиема» осмысливается в «кратком курсе» не в привычном контексте знаменитой строки «Я была тогда с моим народом...», а в концептуальном русле «сверхчеловеческого» возвышения над бытом, обычными семейными и дружескими связями. Поэтому для Д. Быкова «Ахматова из тех истинно советских сверхгероинь, которых не отпугивает грязь, не смущает смерть, которые все брошенные в них камни оправляют и носят с исключительным достоинством» (с. 49). Можно не соглашаться с такой трактовкой, но нельзя не признать ее оригинальность и смелость.

Не менее парадоксальна лекция-статья «Трезвый Есенин», в которой есенинская лирика 1920-х годов рассматривается под знаком тяготения к массовой культуре, за редким исключением двух-трех «трезвых» поэм. Однако если хорошенько вдуматься, Дм. Быков не так уж несправедлив к поэту, пришедшему в русскую литературу как «суровый мастер» и приобретшему колоссальную популярность именно тогда, когда «принялся упражняться в жанре кабацкого романа» (с. 53).

Идеологическая ориентация на «пересоздание» человека, проявившаяся в ранней советской прозе, заставила Дм. Быкова пристальнее всмотреться в творчество тех авторов, кто не сумел или не захотел отказываться от «жовиального». Видимо, поэтому в его «курсе» нет лекций о А. Платонове, Е. Замятине, А. Фадееве, зато любопытно представлены И. Бабель, А. Грин, Ю. Олеша, В. Катаев, М. Зощенко. Наиболее удачен, думается, очерк о Ю. Олеше, в котором мотиву «зависти» в литературе 1920-х годов придан определенный «онтологический» смысл: «Литературу 20-х годов делали разночинцы. Её писала зависть. Зависть Багрицкого-Дзюбина к блестящему офицеру... Зависть Бабеля к конармейцам... Зависть промежуточного, межеумочного класса к определившимся» (с. 148). По-своему очень добротна написана статья «Отравленный» о М. Зощенко. Здесь дается «классическое» определение: «пошлятина — это высокая идея, попавшая в лапы дурака. Зощенко выбрал пошлятину, которой отравлен, не потому, что высмеивает ее, а потому что в ней еще можно дышать. Она последнее прибежище человеческого» (с. 103). Сам Дм. Быков не скрывает своей любви к В. Катаеву, «странному набоковскому двойнику», художнику «бунинской школы», которому революция «позволила испытать... небывалое соседство любви и смерти», но именно особое пристрастие автора к этому лучшему, по его мнению, советскому писателю делает очерк о нем не самым убедительным.

В статье о К. Федине с говорящим названием «Федин беден» из все-го фединского творчества выделяется одна «действительно классная книга» — роман «Города и годы». Вместе с тем главный герой этого романа измеряется «сверхчеловече-

скими» мерками «внеидеологического» Леонова и «христианского» Пастернака, поэтому драма Андрея Старцева заключается «не в том, что он добрый, а в том, что он мелкий» в ту эпоху, когда востребованы были «Демоны или Ангелы».

Один из лучших в книге — очерк о Л. Леонове. Дм. Быков видит в Леонове не только «корневое, подпочвенное» начало, для него это единственный советский «писатель без идеологии, с одной огромной и трагической дырой в душе, с твердым ощущением недостаточности человека как такового, непреодолимости его родового проклятия» (с. 196). По мнению критика, Л. Леонов едва ли не первым сумел увидеть в политике Сталина конца 20-х — 30-х годов «не мобилизующую, а консервирующую, не прорывную, а принципиально нетворческую силу» (с. 195). Думается, недалек от истины прогноз, что Л. Леонов с его «Пирамидой» скоро «станет одним из главных писателей XXI века».

А вот к творчеству М. Булгакова Дм. Быков подходит довольно сурово: ему не нравится «канонизированный» роман «Мастер и Маргарита», и он доказательно объясняет, почему. При этом очень интересна нашупанная параллель с дилогией Ильфа и Петрова об Остапе Бендере: «Этот обаятельный злодей гораздо ближе к Воланду, чем реальный Сатана: проделки Воланда в Москве — именно бендеровские, мелкие, и аналогии тут самые прямые. Свита Бендера — Балаганов, Паниковский и Козлевич — весьма точно накладывается на свиту Воланда...» (с. 199).

Для Дм. Быкова одинаково важны самые разные авторы, рядом с Л. Леоновым и М. Шолоховым в книге стоят очерки о Ф. Панферове («Русский ком») и Н. Шпанове («Свежесть»); последнему внимание уделено недаром, ибо по его прозе «наглядно можно судить об этапах перерождения советского проекта — от его раннего конструктивистского модернизма в поздний квасной пафос, от интернационализма к синдрому осажденной крепости...» (с. 162).

«Краткий курс» никак не претендует на полное отражение всей истории советской литературы, ее отдельные этапы раскрыты с неравной степенью авторского внимания и понимания. Особенно нестандартны и любопытны оценки литературных тенденций 1920-х годов, а также рубежа 1970-х — 1980 годов.

В быковской книге, безусловно, отразились художественные вкусы и личностные симпатии автора, наиболее ярко в главах-статьях о поэтах: А. Твардовском, Б. Слуцком, Б. Ахмадудиной, Э. Асадове. Задача всякой серьезной поэзии, по Дм. Быкову, — «исподволь формировать некоторые душевные качества, которые сегодня не просто не востребованы, а потенциально опасны» (с. 223).

Подобные «мосточки» к современности перебрасываются в «кратком курсе» во многих местах. Так, в очерке «Русская пирамида» (о Л. Леонове) находим откровенно публицистический тезис: «нынешнее принудительное вырождение имеет вполне сталинскую природу» (с. 195). В прекрасной статье о Борисе Слуцком, замечая, что поэт, умерший в 1986 году, не дожидаясь своей «победы», Дм. Быков рассуждает так: «...разумею под победой не только и не столько свободу образца 1986 года (за которой он, думаю, одним из первых разглядел бы энтропию), сколько торжество своей литературной манеры» (с. 237). Б. Слуцкий рассматривается как «стратегическая» фигура в поэзии второй половины XX века, когда «стало ясно: неважно, о чем говорить... Строго говоря, идей вообще нет. Есть способ изложения» (с. 241). Такая ясность «в случае Слуцкого» органично выстрадана: «поэзия была тем способом самоограничения, приведения себя в чувство, которым он пользовался многие годы для борьбы с депрессиями, с ужасом мира, это была единственная опора...» (с. 242-243). Дальнейшую мак-симальную реализацию этой «стратегии» Дм. Быков видит в поэзии Бродского. Совсем иная природа у поэзии А. Твардовского, быковская лекция о нем построена как опровержение распространенной мысли о том, что сейчас «Твардовского не читают». Неожиданно проникновенно раскрывая «скрытую теплоту патриотизма», пронизывающую поэму «Василий Теркин», Быков убежден: «И у Твардовского будет свое возвращение – потому что серый русский нестрашный свет силы и терпения во тьме светит, и тьма не объедет его» (с. 229).

Очерки о Б. Ахмадулиной и Э. Асадове построены как «литературные портреты», в них на первый план выступает человеческий облик поэтов. Впрочем, такой стиль изложения вполне аргументирован: «Советскому поэту труднее всего было в шестидесятые, когда вся страна смотрела на него в оба и тем непозволительно развращала, когда внелитературные обстоятельства становились важнее литературных» (с. 360). Поэтому «книжно-романти-ческое» творчество Беллы Ахмадулиной с его постоянным диалогом «человека» и «поэта» воспринимается как «замечательный феномен шестидесятничества». Показателен общий вывод статьи-лекции об Эдуарде Асадове: «...и хотя я не люблю ни стихов Асадова, ни их читателей, – я глубоко уважаю его как человека... Эта культура – самый массовый, самый секулярный её вариант – все-таки несет в себе и добро, и красоту, и сострадание: в том виде, в каком они понятны стране» (с. 359).

*Молчанова Н.А.
филологический факультет, д.ф.н., профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков*

Наиболее «непонятый» период истории советской литературы, с точки зрения Дм. Быкова, – семидесятые годы, особенно вторая их половина, когда начали широко обсуждаться «разные варианты выхода из советского тупика...» (с. 337). Этот период представлен в книге очерками о В. Аксенове, Ю. Трифонове, В. Шаламове, Ю. Домбровском, Ю. Семенове, А. Шарове, Б. Стругацком. Доминантным настроением в прозе таких непохожих писателей, как считает автор «краткого курса», являются «апокалиптические, эсхатологические ощущения» (с. 337). Под знаком предчувствия «скорого краха» государственной идеологии и этики прочитываются Дм. Быковым повести Юрия Трифонова о том, «как убивает, мучает, корежит людей отсутствие идеи...» (очерк «Отсутствие»), «человеконенавистническая и безбожная, беспощадная к читателю» пронзительная проза Варлама Шаламова (очерк «Имеющий право»), «цыганские» вольнолюбивые романы и стихи Юрия Домбровского (очерк «Цыган»). Не менее важен для лектора-публициста «один из немногих выживших литпамятников уникальной эпохи» – роман Василия Аксенова «Остров Крым» (очерк «С острова на стрелжень»), а также «пограничный опыт», необходимый для эволюции будущего человечества, реализованный в сюжетах романов братьев Стругацких (очерк «Победа на последнем берегу»).

Дмитрий Быков не скрывает своего негативного отношения к современной литературе, рожденной в «другом дурдоме с трубой пониже и ды-мом пожиже». Этим обусловлена его иронически подсвеченная тоска по «большим идеям» советской литературы, отсюда – резко отрицательная оценка «русского почвенничества» конца XX века (очерк «Телегия»). Христианин по мироощущению, Дм. Быков не приемлет и современной религиозной прозы, он отмечает: «Вся наша нынешняя религиозность – серьезное упрощение, шаг назад в утешительную и примитивную архаику» (с. 276). Один из главных выводов его серьезной, «приглашающей к разговору» и полемике книги заключается в грустной сентенции: «Страна, читающая Пикюля, Семенова и Иванова, была все-таки умней страны, читающей Доценко, а потом Минаева» (с. 406). Вряд ли быковскую «Советскую литературу» стоит рекомендовать школьникам. А вот преподавателям самого разного уровня она, безусловно, интересна и нужна.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Быков Дмитрий. Советская литература. Краткий курс. – М. : ПРОЗАиК, 2013.

*Molchanova N.A.
Faculty of Philology, Doctor of Philology, Professor
Chair of Russian Literature of XX-XXI centuries*